

УДК 82.091: 811.161.1

Е.А. Скоробогатова

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛНОТЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Анотація

У статті зіставлені різні підходи до проблем мовного аналізу. Схарактеризовані точки зору дослідників, які розглядають мовну, зокрема, граматичну специфіку представлення мотивів у російськомовній поезії XIX–XXI століть. Визначене когнітивне підґрунтя актуалізації поняття повноти як семантичної універсалії, яке представлено в працях А. Вежицької. Висувається гіпотеза щодо представлення мотиву повноти в російській мові за допомогою займенників *‘все’* – *‘всё’*, *‘всегда’* та про можливість презентації цього значення з використанням повної морфологічної парадигми. Нетипове у нехудожньому тексті сумісне представлення одиниць морфологічних парадигм у тексті художньому слугує способом граматикалізації поняття. Аналіз значного поетичного матеріалу дозволяє стверджувати, що у російськомовному поетичному дискурсі нового й новітнього часу презентовані численні варіанти представлення мотиву повноти шляхом розгортання й сумісної локалізації одиниць морфологічної парадигми часу, роду, відмінка, особи, тобто багаточленних морфологічних парадигм. У російськомовній поезії повна парадигма категорії роду формує сталий смисл повноти просторової й предметної (граматикалізується значення *‘все’* / *‘всё’*). Значення *‘все’* крім того передається парадигмою особи займенника і дієслова. Парадигма відмінка формує значення значущості поняття, що назване відмінковою парадигмою лексеми. Темпоральна парадигма у художній реалізації формує значення *‘всегда’*. Віршову рецепцію граматичного парадигмального представлення розглядаємо як свідoctво активного розвитку поетичної філології. Граматикалізація поезії, що типова

для російського художнього дискурсу ХХ–ХХІ століть, призвела до регулярного використання у віршових творах парадигмальних блоків. Окремі блоки повних морфологічних парадигм відсилають до прецедентних текстів, формуючи інтертекстуальні дискурсивні зв'язки. Стверджується, що повні парадигмальні блоки, що передають значення повноти, є значущою прикметою сучасного російськомовного поетичного дискурсу.

Ключові слова: лінгвопоетика, когнітивна лінгвістика, мотив, поняття, граматикизація, повнота, парадигма, іконічний знак.

Аннотація

В статье рассмотрены различные подходы к проблемам мотивного анализа. Описаны точки зрения исследователей, рассматривающих языковую, в частности, грамматическую специфику представления мотивов в русскоязычной поэзии XIX–XXI веков. Рассмотрены когнитивные основания выделения понятия полноты как семантической универсалии в работах А. Вежбицкой. Выдвинута гипотеза о представлении мотива полноты в русском языке с помощью местоимений ‘все’ – ‘всё’, ‘всегда’ и о возможной передаче этого значения с помощью полной категориальной морфологической парадигмы. Нетипичное для нехудожественного текста одновременное представление единиц морфологических парадигм в тексте художественном является способом граматикизации указанного понятия. Анализ значительного поэтического материала позволяет утверждать, что в русскоязычном стихотворном дискурсе нового и новейшего времени презентуются многочисленные варианты представления мотива полноты с помощью развертывания и совместной локализации единиц морфологической парадигмы времени, рода, падежа, лица, то есть многочисленных морфологических парадигм. В русскоязычной поэзии полная парадигма категории рода формирует устойчивый смысл полноты пространственной и предметной (грамматикизуется значение ‘все’ / ‘всё’). Значение ‘все’ также передается парадигмой лица местоимения и глагола. Парадигма падежа формирует

значение значимости понятия, названного падежной парадигмой определенной лексемы. Темпоральная парадигма в художественной реализации формирует значение *‘всегда’*. Стиховую рецепцию грамматического парадигмального представления граммом рассматриваем как свидетельство активного развития поэтической филологии. Грамматикализация поэзии, характерная для русского художественного дискурса XX–XXI веков, привела к регулярной встречаемости в стихотворениях парадигмальных блоков. Отдельные блоки полных морфологических парадигм стали отсылать к прецедентным текстам, формируя интертекстуальные дискурсивные связи. Утверждается, что полные парадигмальные блоки, передающие значение полноты, служат значимой приметой современного русскоязычного поэтического дискурса.

Ключевые слова: лингвопоэтика, когнитивная лингвистика, мотив, понятие, грамматикализация, полнота, парадигма, иконический знак.

Abstract

The article deals with different approaches to the problems of motif analysis. The point of view of researchers, who consider linguistic, and in particular, grammatical specificity of motif representation in the Russian-speaking poetry of the XIX–XXI centuries, are described. The cognitive grounds of singling out the notion of completeness as a semantic universal in the works of A. Vezbitskaya are discussed. We hypothesise that the completeness motif in Russian is represented by the pronoun *“all”* – *“all”*, *“always”* and that this meaning can be transferred using the full categorical morphological paradigm. Atypical for a non-fiction text, the simultaneous representation of morphological paradigms in a fiction text is a way of grammaticalizing this concept. The analysis of significant poetic material allows us to argue that Russian poetic discourse of modern and contemporary times presents numerous variants of representing the completeness motif by means of deployment and joint representation of the morphological paradigm of time, gender, case, person, i.e., polysemous morphological paradigms. In Russian poetry the full paradigm of gender

forms a stable sense of spatial and subject completeness (the meaning “*all*” / “*all*” is grammaticalized). The meaning “*all*” is also conveyed by the person paradigm of the pronoun and the verb. The case paradigm forms the meaning of the meaning of the concept named by the case paradigm of a particular lexeme. The temporal paradigm in artistic realization forms the meaning of “*always*”. We consider the poetic reception of grammatical paradigmatic representation of grammemes as evidence of active development of poetic philology. Grammaticalization of poetry, characteristic of the Russian artistic discourse of the XX-XXI centuries, led to a regular occurrence of paradigmatic blocks in poems. Individual blocks of complete morphological paradigms began to refer to precedent texts, forming intertextual discursive links. It is argued that complete paradigmatic blocks, conveying the meaning of completeness, serve as a significant marker of contemporary Russian-language poetic discourse.

Key words: linguopoetics, cognitive linguistics, motif, concept, grammaticalization, completeness, paradigm, iconic sign.

Введение

Современная лингвопоэтика изучает поэтический текст как динамическую апперцептивную систему. А.К. Мойсиенко, опираясь на теории А.А. Потебни и других представителей Харьковской филологической школы, выделил и детально описал механизмы поэтической апперцепции. Предложенные ученым основания изучения стиховой (поэтической) апперцептивной системы, на наш взгляд, могут быть распространены не только на уровень поэтического идиостиля одного автора, но и на уровень поэтического языка определенного периода как подсистемы поэтического дискурса. Разумеется, методика лингвопоэтического анализа дискурса отличается от исследования текста, но общий подход к описанию не только образной и сюжетнокомпозиционной, но и лексико-грамматической организации стихотворного текста как апперцептивного единства в дискурсивном погружении – необходимый шаг развития современной лингвопоэтики.

Интерпретация поэтического текста предусматривает учет «апперцептивных моментов каждого слова, что в текстовой структуре проявляется на синтагматическом или парадигматическом уровнях» (Мойсиенко, 2006: 17) (пер. наш. – Е. С.). Слово, выполняя функции актуализации значений и смыслов и динамизации поэтического текста, «становится для реципиента своеобразным опытом, который радиально расширяется и корректируется в связи с другими компонентами художественной структуры» (Мойсиенко, 2006: 19-20). А исследование текста как элемента дискурса предполагает изучение его структуры, в том числе в ракурсе межтекстовых и общекультурных взаимодействий. В динамике межтекстовых взаимосвязей возможно, на наш взгляд, изучение такого элемента художественного текста, как мотив. В рамках этой работы исследуется грамматическая основа мотива полноты в русскоязычной поэтической рецепции XX века.

Мотивы являются частью сюжета произведения, они основа поэтического мировидения автора, направления, художественной эпохи, они подробно изучены и описаны литературоведами. А. Н. Веселовский рассматривал мотив в отношении к сюжету, декларируя его принципиальную неразложимость. Д. Д. Благой выделил и проанализировал многие пушкинские мотивы. С позиций структурализма описывает мотив В. Я. Пропп, указывая на принципиальную разложимость мотива и выделение в нем составляющих – функций. Примечательно, что современная филология видит в позиции Проппа по отношению к идеям Веселовского скорее преемственность и развитие, нежели опровержение. Значительный вклад в изучение фольклорных мотивов внесли работы О. М. Фрейденберг.

Мотивы в русской поэзии нового времени тщательно описаны М. Н. Эпштейном. Ученый утверждает: «Если читать всю национальную поэзию как единую книгу, то в ней можно выделить устойчивые мотивы, которые выходят за рамки индивидуально-авторского сознания и принадлежат поэтическому сознанию всего народа...» (Эпштейн, 2007: 34), – и убедительно доказывает

эту мысль. М. Л. Гаспаров показал, как ритмикомелодический и метрический строй стихотворения связан с поэтической традицией представления того или иного мотива в рамках единой поэтической культуры определенного периода. А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, рассматривая пути создания авторской поэтической картины мира, пишут о том, что приемы выразительности позволяют воплотить инвариантную систему писателя во множестве мотивов, часть из которых, повторяясь, реализуют один инвариант (Жолковский & Щеглов, 1996: 18). Б. М. Гаспаров назвал сборник статей, посвященных творчеству А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Булгакова, «Литературные лейтмотивы». Мотив художественного произведения литературоведы сегодня определяют как 1) «мельчайший элемент сюжета»; 2) «любой акцентированный, выделенный элемент художественной структуры произведения <...>, задача которого дополнить или подчеркнуть основную мысль в некоей обобщенной словесной формуле» (Белокурова, 2007: 92-93). Подробно современные литературоведческие подходы к определению и онтологии мотива описаны в статье Л. В. Гармаш (Гармаш 2014: 10-22). Современное литературоведение трактует мотив достаточно широко, рассматривая его как устойчивый формально-содержательный компонент художественного произведения.

Методология и методы исследования

Впервые о связи грамматической организации стихотворного произведения с его тематикой и сюжетом в первой половине прошлого столетия написал Л. В. Щерба. Статья, посвященная стихотворению М. Лермонтова «На севере диком...» и его немецкому прототипу была поистине пионерской. Однако лингвопоэтические исследования второй половины XX века преимущественно занимались анализом звуковой, лексической и синтаксической составляющей поэзии, полностью или частично игнорируя морфологическую семантику. (Исключение составляют работы И. А. Ионовой, выполненные преимущественно в лингвостилистическом ключе.) Лишь на рубеже веков появились систематические исследования в области

поэтической морфологии, в первую очередь, работы Л. В. Зубовой. А. К. Жолковский на протяжении последних десятилетий активно исследует инфинитивное письмо в соотношении с поэтической разработкой определенных художественных тем. Эти работы послужили толчком к выделению и описанию нами мотивов и лейтмотивов, связанных с грамматическими характеристиками слов, словоформ и их сочетаний, реализующих в поэтическом тексте те или иные понятия и выполняющих определенные поэтические «сверхзадачи». Ибо, чтобы авторская идея стала текстом, она должна пройти сквозь сеть приемов выразительности, которые, по мнению М. Л. Гаспарова, конкретизируют и обогащают ее.

Мы поставили задачу выделить морфологические показатели, связанные с рядом поэтических мотивов (Скоробогатова, 2012: 391). Предпосылкой для выделения нами грамматической основы поэтических мотивов служит онтологическая неразрывность поэтической формы и содержания: «поэзия постольку и лишь постольку есть поэзия, поскольку в ней “буква” и “дух” не делимы даже мысленно...» (Аверинцев, 2006: 248). А современный поэтический материал свидетельствует о регулярности воспроизведения поэтико-грамматического мотивного инварианта, характерного для того или иного поэтического дискурса, в индивидуально-авторских вариациях.

Важнейшим основанием и теоретическим аргументом для нашего исследования послужили две работы: одна широко и постоянно цитируемая, другая – почти забытая, известная лишь специалистам. Первая – монография Б. М. Гаспарова «Литературные лейтмотивы», в которой выдвинут тезис о мотиве как кросс-уровневом образовании. По мнению исследователя, мотивом может стать любой элемент текста: смысловое «пятно», произнесенное слово», описанное событие, краска, то есть любой текстовой феномен (Гаспаров Б. М., 1993: 30). С другой стороны, уже в 1972 г. Л. П. Черкасова, развивая традиции Харьковской лингвопоэтической школы, убедительно показывает, что сюжет и композиция лирического текста в качестве мотива могут иметь грамматический элемент. Л. П. Черкасова выделяет и описывает значение морфем и грамматическую семантику

отдельных морфологических противопоставлений, обнаруженных ею в поэзии М. Цветаевой (Черкасова, 2020: 19-30), определяя их как мотивы.

Мы, исходя из этих положений и опираясь на обширный поэтический материал (около 4 тысяч примеров из произведений 140 авторов), предложили ввести понятие поэтико-грамматического мотива. В статье Л. П. Черкасовой используется понятие мотива применительно к языковой форме. Исследовательница предполагает, что граммема или морфема могут служить мотивом и даже лейтмотивом, структурировать композицию поэтического текста или его части, при этом значение грамматического элемента выступает на первый план (Черкасова, 2020: 24). Понимая условность и относительность применения понятия мотив исключительно к грамматическим средствам выражения, мы поэтико-грамматическим мотивом называем устойчивый грамматический способ выражения определенного поэтического содержания.

Инварианты языковой сферы, по мнению ряда исследователей, взаимосвязаны с системой мотивов, которые служат воплощением идей и тем автора. Отдельные мотивы типичны для одного или нескольких идиостилей, некоторые, повторяясь, приобретают устойчивость в поэтическом языке, становятся характерной чертой и показателем определенной поэтической ситуации в национальной поэтической картине мира. В этом случае можно говорить о формировании лингвопоэтического лейтмотива в поэтическом дискурсе. Понятие лингвопоэтического мотива соответствует взгляду на мотив, предложенному О. М. Фрейденом, согласно которому мотив рассматривается как распространенный словесный образ, который является не плодом художественной фантазии автора, а «орудием, не всегда сознательным, тех форм, которые создаются природой сюжета» (Фрейденом, 1987: 121). Одним из видов лингвопоэтического мотива является мотив поэтико-грамматический, в нашем случае – поэтико-морфологический. Значимый для сюжетнокомпозиционной структуры текста, повторяющийся в художественном идиостиле или устойчивый в

поэтическом употреблении направления и / или художественной эпохи поэтикограмматический мотив становится лейтмотивом.

Результаты и дискуссии

Так как лингвопоэтический анализ прежде всего предполагает не столько «инвентаризацию» языковых элементов, образующих текст, сколько выявление связей и отношений между этими элементами, подчиняющихся определенной поэтической задаче, их когнитивную и художественную мотивацию, применение его методов при описании поэтикограмматических мотивов, на наш взгляд, вполне оправдано. Нами выделено несколько поэтикограмматических мотивов, связанных с семантическим и прагматическим потенциалом морфологических категорий русского языка.

В языке русской поэзии нового и новейшего времени развивается фольклорный поэтикограмматический мотив колебания рода при назывании сущностей, принадлежащих ирреальному («чужому») миру. С ним связан и грамматический мотив колебания категории одушевленности. Традиционно в фольклорной и авторской поэзии используется грамматическое соположение существительных мужского и женского рода (не только в произведениях, основанных на олицетворении и образом параллелизме, описанном А.Н. Веселовским), в которых представлен мотив любви и / или невозможности соединения влюбленных (Скоробогатова, 2020: 215-223). Мотив одиночества – сингулярности, сформировавшийся в русской поэзии в начале XIX столетия и продолжающий развиваться в поэзии современной, связан с отбором грамем единственного числа и грамматическим устройством одночисловых сингулярных стихотворений и стихотворений с сингулярной грамматической доминантой (Скоробогатова, 2012: 391-429). Существует, кроме того, устойчивое лингвопоэтическое представление понятия «отсутствие», связанное со стихотворными мотивами смерти, увядания, утраченной любви, безнадежности. Репрезентантами этих мотивов служат частицы *не* и *ни* и префикс *без-/бес-*. В ряде случаев эти единицы выступают для оязыковления и репрезентации в тексте понятия ирреального и связанных с ним мотивов.

Особый интерес представляет способ формирования мотива при помощи парадигмального категориального значения. В этом случае поэтическому осмыслению подвергается целостный грамматикализированный фрагмент языковой картины мира, способный сформировать и передать комплексное когнитивное понятие. В русскоязычном поэтическом дискурсе мы выделили несколько подобных поэтико-грамматических корреляций. Основная корреляция наблюдается по отношению к мотиву полноты и его комплексному морфологическому представлению при помощи полноты категориальной. Текстовая парадигмальная полнота набора граммем времени связана с передачей мотивов постоянства, повторяемости, темпоральной бесконечности, а парадигмальное представление наборов граммем рода и падежа связано с мотивом предметнопространственной полноты и всеохватности представленного. Парадигмальная полнота темпоральных словоформ соотносится с понятием 'всегда', а граммем лица, рода и падежа – с понятием 'все' / 'весь' / 'всё'.

Современные когнитивные исследования рассматривают эти понятия как универсалии, выдвигая в пользу этой точки зрения весьма веские аргументы.

О необходимости для осознания и описания мира вербализации понятия 'весь' / 'все' пишет Анна Вежбицкая в работе «Семантические универсалии и "примитивное мышление"» (Вежбицкая, 1997: 291-325). Рассматривая понятие 'весь' как важнейшее понятие логики, использующееся для предложений включения, исследовательница приходит к следующему выводу: «Насколько нам известно, не существует языков, в которых не было бы тех или иных лексических средств для выражения понятия 'весь' – не просто чего-то вроде этого, но именно данного смысла» (Вежбицкая, 1997: 308). Данное понятие исследовательница считает основой языковой универсалии. В дискуссии с Холлпайком, который утверждает, что в языках так называемых «примитивных культур» может отсутствовать понятие 'весь', аргументируя тем, что в ряде языков существуют лексемы, передающие одновременно и понятие 'весь', и понятие 'много' (Hallpike, 1979), Вежбицкая указывает на четкое разграничение

понятий 'весь' и 'много' в языках, имеющих двойственное число. Наличие высказываний, передающих соединенное значение 'все' / 'два', свидетельствует о существовании исследуемого понятия на языковом уровне даже в так называемых «примитивных языках» (название, содержание которого не отвечает, по мнению Вежбицкой, не только этическим стандартам, но и лингвистической реальности).

Понятие 'весь' / 'все' исследовательница считает ключевым понятием, необходимым для дедуктивных рассуждений, а различие культур не является препятствием для понимания и трансфера смыслов, если исходные понятийные ресурсы являются общими. При этом подчеркивается, что «универсальные для всего человечества понятия могут образовывать специфические для каждой культуры конфигурации» (Вежбицкая, 1997: 311), (Wierzbicka, 1992).

В славянских языках понятие 'все' лексикализовано в соответствующих местоимениях. По отношению к полноте времени и пространства используются местоименные наречия *всегда*, *везде*, *всюду*. Кроме этого, исследуемое понятие, по нашим наблюдениям, имеет ряд грамматических представлений не только в системе языка, но и в текстовой и дискурсивной реализации. Лексические прототипы в ряде случаев могут быть универсальным основанием межъязыковой идентификации частей речи (Вежбицкая, 2011: 216). Эта способность основана на когнитивных характеристиках прототипов и грамматической парадигмальной полноте: ряд морфологических парадигм отражает целостное представление человека о категоризации мира: система времен глагола, рода и падежа существительного, лица местоимения и глагола.

Такое грамматическая репрезентация понятия полноты в парадигмах времени, лица, рода и падежа находит текстовое и дискурсивное воплощение, в первую очередь, в художественном тексте.

Грамматические категории, представленные в языке оппозициями, в тексте, как правило, репрезентированы отдельными единицами – элементами этих оппозиций. Единица реализует в тексте свое значение (лексическое и грамматическое), как правило, в самостоятельном – по отношению к другим членам парадигмы – употреблении. Одновременное использование противопоставленных

или сопоставленных единиц одной категории на целостном пространстве текста приводит к подчеркиванию и выделению комплексных значений (в нашем случае, грамматических) и к возникновению на их основе новых контекстуальных значений, которые в поэтическом тексте регулярно коррелируют с мотивами. Это связано с тем, что парадигматические противопоставления создают высокую «разность потенциалов» (Панов, т. 1, 2004: 112), что в свою очередь повышает информативность, выразительность и фасциативность текста. Смыслы, возникающие на образно-композиционном уровне стихотворного текста, опираются в этом случае на универсальные грамматические значения, но не отдельных единиц, а их целостного единства. Линейное развертывание лирического сюжета в поэтическом тексте может не имплицитно, а видимо актуализировать языковые парадигматические отношения, выделение которых приводит к созданию ассоциативнообразного художественного пространства, обладающего выраженными метаязыковыми чертами.

Существует весьма распространенная среди филологов точка зрения, согласно которой люди и сейчас, и в древности «не говорили и не мыслили парадигмами: парадигмы есть просто факт метаописания, факт языкознания, которое “нашло” их в языке» (Николаева, 2008: 108). Мы не можем согласиться с этим тезисом. На наш взгляд, говорить об отсутствии парадигмального мышления у поэтов неверно. Поэты были первыми филологами – теоретиками и экспериментаторами, именно они сформировали поэтическую функцию естественного человеческого языка. По наблюдениям современных исследователей, поэзия начала XX века фактически создает «свой новый язык, в котором снимаются оппозиции “язык – мир” и “текст – метатекст”» (Фатеева, 2006: 44). К целостному образу языка отсылает читателя любое поэтическое высказывание (Фещенко-Такович, 2004: 75), – утверждает В. Фещенко-Такович, развивая идеи Ю. М. Лотмана о специфике языкового поэтического мышления и представления. Наши наблюдения показывают, что поэзия нового и новейшего времени обращается к языку и как к объекту, и как к способу описания.

Рассмотрим парадигмальную презентацию определенных поэтических смыслов, которые можно определить как мотивы. Здесь мы сталкиваемся с грамматическим разнообразием: парадигмальную представленность в стиховом развертывании имеют именные, глагольные парадигмы и парадигмы, категориальных значений, реализованных в разных частях речи. Связи полноты означаемого и полноты парадигмы можно охарактеризовать как своего рода грамматическую иконичность. Якобсон исследует лексические иконические знаки (Якобсон, 1983: 104-106). В описываемых случаях актуализации грамматической парадигмальной полноты в поэтическом тексте, на наш взгляд, следует говорить об иконическом комплексе знаков, связанных с морфологическим категориальным значением.

Грамматическое разнородное оформление элементов лексического единства 'мужчина – женщина – дитя' имеет характер трехродовой комплементарности, который четко осознается, актуализируясь, в стихотворении: *Многому время учило меня, / и научило – немногому: / жизнь проживать, ничего не кляня, / и обхожденью нестрогому: / если приходит **дитя** – улыбнись, / если **мужчина** вошел – не клянись, / ежели **женщина** – будь ей сестрой, / собственным духом жилье свое строй...* (М. Рахлина «Многому время учило меня...»).

Поэтесса описывает свое взаимодействие с миром, и эта полнота мира людей представлена полнотой грамматической категории рода. У лирической героини стихотворения есть ответ на возможную встречу с каждым из людей, мудрое решение ежедневных встреч-отношений.

Представление прономинальной парадигмы лица встречаем во второй строфе стихотворения Осипа Мандельштама: ***Я** узнал, **он** узнал, **ты** узнала – / А теперь куда хочешь, влечи: / В говорливые дёбри вокзала, / В ожиданье у мощной реки.* (О. Мандельштам «Средь народного шума и спеха...»). Парадигмальная инверсия (*я – он – ты* вместо привычного в грамматике *я – ты – он*) в этом стихотворении, по мнению Ф. Б. Успенского, связана с обращением к определенному адресату (Успенский, 1990: 91). В другом стихотворении поэта,

написанном в тот же период, «Не у меня, не у тебя – у них...» парадигмальный ряд имеет традиционную последовательность: 1-е лицо, 2-е лицо, 3-е лицо. Местоимения в обоих случаях составляют одно семантическое поле, причем, хотя в разных стихотворениях использовано разное число местоимения третьего лица (*он* – *у них*), полнота представления значения лица реализована в обоих примерах. Сочетание *я – ты – они* (*он, она*) передают значение ‘все, о ком идет речь’, или просто ‘все’. На это же значение человеческой общности указывает использованное в первом стихе прилагательное *народный*.

В этом же стихотворении представлена пространственная полнота за счет полноты форм рода: второе полустишие, расширяя и конкретизируя сочетание *куда хочешь*, использует граммы трех родов *вокзал, ожиданье, мощная река*, усиленные плюралной формой граммем в словосочетании *говорливые дебри*. (В образе *ожиданья у реки* совмещается локативная, темпоральная и предметно-процессуальная семантика.)

Полнота парадигмы, особенно многочленной, актуализированной в линейном или вертикальном текстовом развертывании, в русском поэтическом тексте нового времени, на наш взгляд, свидетельствует о всеобщности, цельности, законченности, относительной самостоятельности называемого или характеризуемого. Это связано, по-видимому, с тем, что «парадигма не противопоставляет, не разграничивает единицы языка, входящие в ее состав, а их отождествляет, функционально снимает различия» (Панов, т. 1, 2004: 29 примеч.). Например, парадигмы лица местоимения и лица глагола в стихотворении А. Галича подчеркивают, многократно усиливают значение глагола, выделяя парадигмально объединенный и обобщенный субъект действия: *Недаром из школьной науки / Всего нам милей слова: / Я умываю руки, / ты умываешь руки, / он умывает руки – / И хоть не расти трава*. (А. Галич «Баллада о чистых руках»). Говорить о том, что, формируя этот текст, поэт «не мыслит парадигмами», было бы неверно. В подобных случаях поэт мыслит парадигмами, свое парадигмальное видение ситуации

оязыковляет, а в рассмотренном фрагменте даже представляет графически.

Пространственная полнота может быть представлена полнородовым рядом топонимов: *Над Лондоном, Осло, Москвой – облака, будто щит...* (А. Сопровский «В Европе дождливо (смотрите футбольный обзор)...»). Здесь перечень европейских столиц, представленный онимами трёх родов, передает комплементарное значение 'везде в Европе'.

Родовая полнота в ряде случаев имеет лексическую поддержку. В стихотворении Лидии Чарской цепочка однородных подлежащих *земля, солнце, поля, лес* (женский род, средний род, множественное число существительного среднего рода, мужской род) заканчивается обобщающим словом *все*: *Земля и солнце, / Поля и лес – / Все славят Бога: / Христос Воскрес!* (Л. Чарская «Земля и солнце...»). Здесь, как и во многих других лирических текстах, идея полноты сущего связана с идеей Бога. *С ней несут цари Востока / Злато, смирну и ливан.* (А. Фет «Ночь тиха. По тверди зыбкой...»).

Полнота окружающего предметного мира ощущается поэтом как часть более значимой, сущностной или экзистенциальной полноты, например, в стихотворении Д. Самойлова: *Дым, облако и птица / Летят неторопливо.* (Д. Самойлов «Давай поедем в город...»). В. И. Карасик в монографии «Языковая матрица культуры» описывает эту поэтическую триаду так: «очевидная символизация человеческой деятельности, вечной изменчивости природы и улетающей души» (Карасик, 2013: 197). Мы бы назвали эту триаду триадой полноты бытия.

В стихотворении Николая Гумилева «Шестое чувство» трехродовой субстантивный комплекс передает характерное для поэта-акмеиста жизнеутверждающее ощущение полноты жизни, счастья: *Прекрасно в нас влюбленное вино / И добрый хлеб, что в печь для нас садится, / И женищина, которую дано, / Сперва измучившись, нам насладиться.*

В других случаях полнородовой ряд существительных связан с идеей полного отсутствия, например: *Цели нет передо мною: /*

Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум. (А. Пушкин «Дар напрасный, дар случайный...»). Отсутствие передано лексически (частица *нет*, прилагательные *пусто, празден*), а его полнота – грамматически (категориальной полнотой рода охарактеризованных субстантивов). Подобные фрагменты, включающие субстантивы 3-х родов существительных при описании полного наличия или полного отсутствия, регулярно встречаются в русской поэзии XIX–XXI веков.

Полнота состояния, действия, событийная полнота, представленная субстантивно, имеет в русском языке лексическую репрезентацию *начало, середина, конец*. Ощущаться эта грамматическая полнота может контекстуально, в соположении соответствующих лексем: *Одинок в удаче, в печали, / В середине, конце и начале!* (Д. Быков «Из Унамуно»). Кроме того, наряду со значением *'все' / 'весь'* полная грамматическая парадигма может иметь темпоральное значение *'всегда'*. В этом случае используется глагольная парадигма времени, которая в русском языке также имеет трехчастную структуру.

Мотив повторяемости и темпоральной бесконечности бытия грамматически актуализирован в стихотворении Арсения Тарковского, которое начинается строфой *И это снилось мне, и это снится мне, / И это мне еще когда-нибудь приснится, / И повторится все, и все довыплотится, / И вам приснится все, что видел я во сне.* (А. Тарковский «И это снилось мне, и это снится мне...»). Последняя его строфа включает стих *Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду...* Считаю, что это стихотворение передает христианскую идею единосущного времени, ярко представленную в лирике поэта. Полная темпоральная парадигма выполняет задачу оязыковлечения этой идеи.

Грамматическая полнота времени широко представлена в русскоязычном поэтическом дискурсе. *И поет невец бродячий / ... / и о том, что все проходит, / всё проходит, всё пройдет... / Век прошел; у нас всё то же.* (М. Щербаков «Колыбельная»). Аллюзивно связанный с легендой о кольце царя Соломона, этот фрагмент

расширяет до трехвременного блока прецедентное высказывание *Все проходит, и это пройдет*, включая в него форму прошедшего времени. Этот же прием использовала Марлена Рахлина: *Хоть это будет совсем не просто – не сможет всяк: / одних заманит, потом обманет брехливый стяг, / другой мечту свою позабудет, влюбившись в то, / что было ничем, и есть ничто, и будет ничто!* (М. Рахлина «Дорога к дому»). Здесь очевидна интертекстуальная отсылка к «Интернационалу», в прецедентном для русскоязычного дискурса XX века русском варианте которого использованы только две формы времени *был* и *станет*. Снижение и отрицательный пафос этого фрагмента передается средним родом местоимения *то*, связанными с ним глаголом *было* и отрицательным местоимением *ничто*, переводящим одушевленное местоимение прецедентного текста *кто* не только в отрицательный, но и в неодушевленный вариант. Трехвременная полнота *было ничем, и есть ничто, и будет ничто!* предиката усиливает и подчеркивает поэтический смысл развенчания идеи реализации мечты о свободе и равенстве в советском социуме.

Этот же прием, но с отрицательной бытийностью, использует Мария Петровых: *Не было, и нету, и не будет. / Ныне, и по всякий день, и присно.* (М. Петровых «Сердцу ненавидеть непривычно...»), поддерживая глагольную временную полноту (форма настоящего времени нормативно эллиптирована) прецедентным блоком обстоятельств.

Развивая прием трехвременного представления понятия 'всегда', связанного с мотивом бесконечного и циклического времени, поэты XX и XXI веков порой используют сочетания разнокоренных глаголов, которые объединяются в блоки за счет действия закона единства и тесноты стихового ряда. Активно реализует грамматический потенциал глагола Иосиф Бродский, возможно, под влиянием грамматической поэтики Марины Цветаевой, которая была ему очень близка. *Я сижу у окна. Я помыл посуду. / Я был счастлив здесь, и уже не буду.* (И. Бродский «Я всегда твердил, что судьба – игра...»). Внутри стихов представлено противопоставление

временных форм (*сизжу – помыл, был счастлив – не буду*), вместе – полнота. Для идиостиля Бродского характерна актуализация временных форм, которая отражает его художественное мировосприятие. В стихотворении «Нет, мы не стали глуше или старше...» поэт признается: *И мы опять играем временами / В Больших амфитеатрах одиночеств...*

Еще один тип парадигмальной полноты, используемый как поэтический прием, средство передачи особых поэтических смыслов, – полнота падежная.

Многочленность падежной парадигмы, на первый взгляд, препятствует ее текстовой одновременной представленности, уже трехчленный ряд создает эффект накопления, тесноты, определенное ощущение художественной преднамеренности приема: ***Ветер ветра ветром гонит.*** (И. Крылов. «Сочинитель в прихожей»). Однако в поэзии начала XX века, ориентированной на обнажение приема, полиптотон используется достаточно часто: *Заедай верстою вёрсту, / Отсылай версту к версте !* (М. Цветаева «Волк»); ***В самом себе, как змей, таясь, / Вокруг себя, как плющ, вьась – / Я поднимаюсь над собою: // Себя хочу, к себе лечу, / Крылами темными плещу, / Расширенными над водою.*** (О. Мандельштам. «В самом себе, как змей, таясь...»). Этот прием служит одной из типичных черт поэтического идиостиля Осипа Мандельштама (Скоробогатова, 2014: 70-102).

Падежные значения в подобных случаях актуализированы, как и в примерах, когда словоформы выстраиваются в перечислительный ряд: ***Я, мне, меня, со мной...*** *Неужто с вами тоже?* (А. Кушнер. «Стрижиразбойники и ласточкималютки...»). В этом и подобных случаях происходит блокирование падежных словоформ, значимыми являются не отдельные формы и значения, а их комплекс. Смысловым единством становится многопадежный блок. В проанализированном стихотворении А. Кушнера представление местоимения первого лица *Я* в виде падежного единства *я, мне, меня, со мной* служит иконическим знаком подчеркнутого внимания лирического персонажа к собственной персоне.

В стихотворениях Б. Окуджавы встречаем несколько ярких примеров одновременной реализации многочленной и даже полной падежной парадигмы существительного: *Что мир весь рядом с ней? С ее горячей медью?.. / Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...* (Б. Окуджава. «Заезжий музыкант»). Этот выразительный прием парадигмального представления имени стал повторяться в песенной поэзии и в силу своей узнаваемости и экспрессивности приобрел способность указывать на межтекстовое взаимодействие. Многопадежная модель Булата Окуджавы является своеобразным поэтическим афоризмом – эстетическим знаком, который представляет поэтический стиль и художественный язык в целом (Калашник, 2011: 124). Поэты хорошо осознают иконические возможности грамматической полноты как показателя полноты смысловой. Например, Михаил Исаковский шутливо восклицает: *Я шел и ругался во всех падежах, / Во всех наклоненьях и числах.* (М. Исаковский «Шуба»). Многопадежие, парадигмы лица, рода, наклонения, времени, вида регулярно используются русскоязычными поэтами нового и новейшего времени для передачи этого значения.

Выводы

Поэтическое творчество и читательская апперцепция стихотворного текста наглядно демонстрируют феномен языковой деятельности, теоретически обоснованный де Соссюром. Рассмотренный материал подтверждает тезис о том, что в качестве мотива может выступать грамматический элемент, способный в поэтическом языке устойчиво передавать определенное содержание, создавая поэтический смысл.

Основным репрезентантом значения полноты в русском языке, по нашим наблюдениям, являются местоимения *‘все’* – *‘всё’* – *‘всегда’*. Это значение может грамматикализироваться и быть представлено в форме полных морфологических парадигм. Поэты, интуитивно чувствующие языковой потенциал, актуализируют его, благодаря чему в русской поэзии XIX-XXI вв. сформировался мотив полноты, устойчиво передающийся с помощью линейного (синтагматического) представления в тексте стихотворения морфологических парадигм разного типа.

Условность и относительность противопоставления парадигматики синтагматике в поэтическом функционировании становится максимально наглядной. Отношения между элементами парадигматического ряда в системе языка являются контрастными отношениями между элементами оппозиции в сопоставлении и комплементарными в единстве. Отношение единиц в синтагматике является отношением контраста на уровне линейных связей. Их совмещение на общем стиховом пространстве не только объединяет существующие связи, взаимно укрепляя и обогащая их, но и создает новые. Упорядоченность парадигматического плана является упорядоченностью по эквивалентности. Так как обычно синтагматика текста базируется на нормах смыслового согласования слов в тексте, в лирических фрагментах, подобных проанализированным, ассоциативнообразное пространство стихотворения опирается на смыслограмматические отношения, которыми связаны словесные единицы в его линейном развертывании, и на обобщенный грамматический потенциал языка.

Языковой потенциал морфологических парадигм в линейном развертывании поэтического текста реализует поэтический смысл полноты, всеохватности. В русскоязычной поэзии на уровне категории рода это формирует устойчивый смысл полноты пространственной и предметной (грамматикализуется значение *'все'* / *'всё'*). Значение *'все'* также передается парадигмой лица местоимения и глагола. Парадигма падежа формирует значение значимости понятия, названного падежной парадигмой определенной лексемы. Парадигма времени в поэтической линейной реализации формирует значение *'всегда'*. Стиховая рецепция грамматического парадигмального представления граммом свидетельствует об активном развитии поэтической филологии как значимой приметы современного поэтического дискурса.

Перспективой исследования является, с одной стороны, изучение стиховой реализации других морфологических парадигм, с другой – изучение феномена поэтической филологии на более широком языковом и поэтическом материале.

Література

- Аверинцев, С. С. (2006). *София – Логос. Словарь*. Київ: Дух і літера.
- Белокурова, С. П. (2007). *Словарь литературоведческих терминов*. Санкт-Петербург: Паритет.
- Вежбицкая, А. (1997). *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Вежбицкая, А. (2007). *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур.
- Гармаш, Л. В. (2014). Теория мотива в литературоведении. *Наукові записки ХНПУ імені Г. С. Сковороди*, 1 (77), 10–22.
- Гаспаров, Б. М. (1993). *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. Москва: Наука, Издательская фирма «Восточная литература».
- Жолковский, А. К., Щеглов, Ю. К. (1996). *Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст*. Москва: Прогресс.
- Калашник, В. С. (2011). *Людина та образ у світі мови*: вибрані статі. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна.
- Карасик, В. И. (2013). *Языковая матрица культуры*. Москва: Гнозис.
- Мойсієнко, А. К. (2006). *Слово в аперцепційній системі поетичного тексту. Декодування Шевченкового вірша*. Київ: Сталь.
- Николаева, Т. М. (2008). *Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»)*. Москва: Языки славянских культур.
- Панов, М. В. (2004). *Труды по общему языкознанию и русскому языку*. Е. А. Земская, С. М. Кузьмина (Ред.). (Т.1). Москва: Языки славянской культуры.
- Скоробогатова, Е. А. (2014). *Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилиях*. Харьков: Харьковское историко-филологическое общество.
- Скоробогатова, Е. А. (2012). *Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени)*. Харьков: НТМТ.
- Скоробогатова, О. О. (2020). Формування «ВІН – ВОНА» доміанти ліричного тексту (на матеріалі поезій Б. Окуджави й С. Жадана) *Лінгвістичні дослідження. Збірник наукових праць Харківського*

- національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди, 52, 215–223. <https://doi.org/10.34142/23127546.2020.52.20>.
- Успенский, Ф.Б. (1990). К поэтике О. Мандельштама (грамматика как предмет поэзии). *Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета*, 90–96.
- Фатеева, Н. А. (2006). Идентичность личности автора и вариативность форм выражения в текстах авангарда. *Семиотика и авангард: Антология*, 43–53.
- ФещенкоТакович, В. (2004). Прорыв в языки: где искать и находить поэзию? *Поэтика исканий, или Поиск поэтики. Материалы между. конференции/фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии»*, 62–76.
- Фрейденберг, О. М. (1987). Методология одного мотива. *Труды по знаковым системам. XX. Актуальные проблемы семиотики культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета*, 120–130.
- Черкасова, Л. П. (2020). Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом языке (на материале поэзии М. Цветаевой). І.І. Степанченко (Укл.). *Науково-методична спадщина Л. П. Черкасової: продовження традицій. Збірник наук. праць ХНПУ імені Г. С. Сковороди*. (с. 19–30). Харків: ХНПУ імені Г.С.Сковороди.
- Эпштейн, М. Н. (2007). *Стихи и стихия. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв.* Самара: Издательский дом «БАХРАТ-М».
- Якобсон, Р. (1983). В поисках сущности языка. *Семиотика*, 102–117.
- Hallpike, Ch. R. (1979). *The foundations of primitive thought*. Oxford: Clarendon press.
- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press.

References

- Averintsev, S. S. (2006). *Sofiya – Logos. Slovar*. [Sofiya – Logos. The dictionary]. Kyiv: Dukh i litera [in Russian].
- Belokurova, S. P (2007). *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*. [The dictionary of literary terms]. Sankt-Peterburg: Paritet [in Russian].
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. [Language. Culture. Cognition]. Moskva: Russkie slovari [in Russian].

- Vezhbitskaya, A. (2007). *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty*. [Semantic universals and basic concepts]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur [in Russian].
- Garmash, L. V. (2014). Teoriya motiva v literaturovedenii. [The theory of motif in literature studies]. *Naukovi zapysky KhNPU imeni H. S. Skovorody*, 1 (77), 10–22 [in Russian].
- Gasparov, B. M. (1993). Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature XX veka. [Literary motifs. Articles on Russian literature of the XX century]. Moskva: Nauka, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» [in Russian].
- Zholkovskii, A. K., Shcheglov, YU. K. (1996). *Raboty po poehtike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst*. [Expressive poetics works: Invariants – Subject – Techniques – Text]. Moskva: Progress [in Russian].
- Kalashnyk, V. S. (2011). *Liudyna ta obraz u sviti movy: vybrani stati*. [A person and character in the language world: selected articles]. Kharkiv: KhNU imeni V. N. Karazina [in Ukrainian].
- Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury*. [Language culture matrix]. Moskva: Gnozis [in Russian].
- Moisiienko, A. K. (2006). *Slovo v apertseptsiiinii systemi poetychnoho tekstu. Dekoduvannia Shevchenkovoho virsha*: [A word in apperception system in the poetic text. Decoding of Shevchenko's verse]. Kyiv: Stal [in Ukrainian].
- Nikolaeva, T. M. (2008). *Neparadigmaticheskaya lingvistika: (Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)*. [Non-paradigmatic linguistics: (The history of “floating elements”)]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur [in Russian].
- Panov, M. V. (2004). *Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku*. [General linguistics and Russian language works]. E. A. Zemskaya, S. M. Kuz'mina (Eds.). (Vol.1). Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Skorobogatova, E.A. (2014). *Grammaticheskiye znacheniya i poeticheskiye smysly: poetika imennykh kategoriy v tekstakh i idioshtilyakh* [Grammatical meanings and poetic denotations: noun categories poetics in texts and individual styles]. Kharkov: Kharkovskoye istoriko-filologicheskoye obshchestvo [in Russian].

- Skorobogatova, E. A. (2012). *Grammaticheskie znacheniya i poehticheskie smysly: poehticheskii potentsial russkoi grammatiki (morfologicheskije kategorii i leksiko-grammaticheskie razryady imeni)*. [Grammatical meanings and poetic denotations: poetic potential of Russian grammar (morphological categories, lexical and grammar noun groups)]. Khar'kov: NTMT [in Russian].
- Skorobogatova, O. O. (2020). Formuvannia «VIN – VONA» dominanty lirychnoho tekstu (na materialy poezii B. Okudzhavy y S. Zhadana). [The formation of “vin – vona” dominant in the lyric text (based on B. Okudzhava and S. Zhadan’s poetry)]. *Linhvistychni doslidzhennia. Zbirnyk naukovykh prats Kharkivskoho natsionalnoho pedahohichnoho universytetu imeni H. S. Skovorody*, 52, 215 – 223. doi: <https://doi.org/10.34142/23127546.2020.52.20> [in Ukrainian].
- Uspenskii, F.B. (1990). K poehtike O. Mandel'shtama (grammatika kak predmet poehzii). [About O. Mandel'shtam's poetics (grammar as a subject of poetry)]. *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 90–96 [in Russian].
- Fateeva, N. A. (2006). Identichnost' lichnosti avtora i variativnost' form vyrazheniya v tekstakh avangarda. [Author's personality identity and wording variations in avangard texts]. *Semiotika i avangard: Antologiya*, 43–53 [in Russian].
- FeshchenkoTakovich, V. (2004). Proryv v yazyki: gde iskat' i nakhodit' poehziyu? [Breakthrough into languages: where to look for and find poetry]. *Poehtika iskanii, ili Poisk poehtiki. Materialy mezhd. konferentsiifestivalya «Poehticheskii yazyk rubezha XX–XXI vekov i sovremennye literaturnye strategii»*, 62–76 [in Russian].
- Freidenberg, O. M. (1987). Metodologiya odnogo motiva. [The methodology of one motif]. *Trudy po znakovym sistemam. XX. Aktual'nye problemy semiotiki kul'tury. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 120–130 [in Russian].
- Cherkasova, L. P. (2020). Nablyudeniya nad ehkspressivnoi funktsiei morfemy v poehticheskom yazyke (na materiale poehzii M. Tsvetaevoi). [Expressive function of the morpheme observance in poetic language (based on materials of M. Tsvetaeva's poetry)]. I. Stepanchenko (Ukl.). *Naukovo-metodychna spadshchyna L. P. Cherkasovoi: prodovzhennia tradytsii*.

- Zbirnyk nauk. prats KhNPU imeni H. S. Skovorody.* (pp. 19–31). Kharkiv: KhNPU imeni H.S.Skovorody. [in Russian].
- Ehpshtein, M. N. (2007). *Stikhi i stikhiya. Priroda v russkoi poehzii XVIII-XX vv.* [Verses and elements. Nature in Russian poetry of XVIII-XX centuries]. Samara: Izdatel'skii dom «BAKHRAT-M» [in Russian].
- Yakobson, R. (1983). V poiskakh sushchnosti yazyka. [Searching for language essence]. *Semiotika*, 102–117 [in Russian].
- Hallpike Christoper Robert (1979). *The foundations of primitive thought.* Oxford: Clarendon press [in English].
- Wierzbicka Anna (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations.* New York: Oxford University Press [in English].

Рукопис статті отримано 6 вересня 2021 року

Рукопис затверджено до публікації 15 листопада 2021 року

Інформація про автора

Скоробогатова Олена Олександрівна – доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри зарубіжної літератури та слов'янських мов імені професора Михайла Гетманця Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, 61168, Харків, Україна; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0214-1889>.

Skorobohatova Olena O., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Literature and Slavic Languages named after Professor Mykhailo Hetmanets, H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0214-1889>.